

С.В. ЦИРЕЛЬ

Сталинская урбанизация и упадок советской науки

Крах Советского Союза, по-видимому, относится к тем важнейшим историческим событиям, относительно причин которых историки никогда не придут к общему мнению. Всегда найдутся сторонники теорий заговора, которые считают и будут считать, что СССР погубили враги (ЦРУ, жидомасоны, предатели и т.п.), а без их коварных действий он жил бы и процветал на радость всему прогрессивному человечеству. В то же время убежденные противники социализма (например, либертарианского толка) продолжают удивляться не внезапной гибели советской империи, а самому факту ее длительного существования, полагая, что именно гибель подобной системы была естественным процессом, не нуждающимся в отдельном объяснении. Но если даже исключить приверженцев столь крайних точек зрения, то и среди остальных не будет согласия. Например, блестяще сбывшееся предсказание Р. Коллинза, вообще не касающееся особенностей советского строя и траектории его трансформации, останется одним из возможных объяснений, сколько бы раз его ни провозглашали везением Коллинза, случайным совпадением и т.д. (см. [Коллинз, 2000]).

С моей точки зрения, гибель социалистического государства прежде всего связана с изменением типа потребления [Цирель, 2004]. В 1970-е–1980-е гг. большая часть населения России жила в городах и переходила к современному типу потребления, характеризующемуся, с одной стороны, индивидуализацией потребительского выбора, а с другой – значительным влиянием быстро меняющейся моды. Сочетание этих двух (отчасти противоречащих друг другу) черт потребления, по меньшей мере, затруднял процесс планирования, а по множеству параметров делал его почти невозможным. Поэтому поражение централизованной плановой экономики в соревновании с рыночной стало неизбежным. Чем большая часть населения страны жила в городах, чем больше людей получали среднее специальное и высшее образование, тем шире становился круг тех, чьи потребности нельзя было планировать. Удовлетворение незапланированных потребностей все чаще шло в обход узаконенных плановых механизмов и все сильнее разрушало плановое хозяйство.

Неуспехи планового хозяйства подрывали веру в главную догму коммунистов о неминуемой победе социализма в экономическом соревновании. Особая чувствительность советской идеологии к экономическим неудачам связана с ее коренным отличием от всех традиционных идеологий (даже конфуцианства), у которых экономический успех не стоит в центре теории. Даже сугубо мирская либеральная идеология, выработанная в эпоху Просвещения, в первую очередь говорит о свободе, равенстве возможностей и праве на стремление к счастью, хотя и для нее экономические неудачи 1930-х гг. в сочетании с истинными и мнимыми успехами СССР и Германии стали тяжелым потрясением.

Цирель Сергей Вадимович – доктор технических наук, главный научный сотрудник Государственного научно-исследовательского института горной геомеханики и маркшейдерского дела (Санкт-Петербург).

ем. Советская идеология в своем классическом сталинском варианте, принятом в СССР, обещает в отмеренные сроки исключительно посюстороннее и конкретное чудо, прежде всего военное и экономическое превосходство над остальным миром, поэтому осуждение потребительства и "вещизма" вступало в противоречие с главной догмой и вряд ли могло оказать существенное влияние даже на искренних приверженцев официальной идеологии.

Оба процесса – экономический и идеологический – взаимно стимулировали друг друга и ускоряли развал советской экономики и коммунистической идеологии. К середине 1970-х гг. неверие в социалистические догмы охватило значительную часть интеллигенции (хотя и формулировалось многими в марксистских терминах), а погоня за импортными товарами, их добывание полулегальными и совсем нелегальными путями превратились в образ жизни большинства горожан. Теневая экономика и различные теневые идеологии (у элиты – в основном либеральная, хотя и консервативно-националистическая тоже играла существенную роль) разъедали ржавеющий остов планового хозяйства и усиливали диспропорции. Темпы экономического роста все более замедлялись, стагнация и застой приходили на смену былым успехам. И даже тот факт, что Советский Союз не дожидаясь экономического краха и скончался не от своих болезней, а от неумелого лечения, в более широкой перспективе ничего не меняет.

Геополитическая теория Коллинза и высказанный подход, основанный на изменениях типов потребления, далеко не исчерпывают перечень объяснений. По мнению других авторов, важнейшую роль играли демографические перемены, общая тенденция распада больших империй, проявившаяся во второй половине XX в., а также особое устройство советской империи, требующее постоянного искусного балансирования между интересами имперской и региональных элит, и т.д.

И тем не менее, не находя согласия в глобальном объяснении обсуждаемого явления, я считаю важным обсудить некоторые характерные черты этого процесса, по-видимому, не определившие его суть, но сыгравшие немалую роль в советском прошлом и продолжающие влиять на современную постсоветскую историю России. Как указывает название данной статьи, речь прежде всего пойдет о сопровождавшем всю историю СССР процессе урбанизации и более частном явлении – советской науке.

* * *

Обычно при урбанизации деревню в первую очередь покидают две группы, занимающие крайние позиции на социальной лестнице, – те, у кого по тем или иным причинам (от недостатка земли до слабости здоровья) не вышло ведение собственного хозяйства, и те, кто, наоборот, были очень успешны в сельском обществе и искали для приложения своих сил и талантов новое более широкое поприще. Очевидно, что первая группа по численности существенно превосходит вторую. Обычно исход этих групп благоприятно сказывается на жизни деревни, во всяком случае, уменьшается имущественное расслоение и снижается социальная напряженность. Хотя исход представителей второй группы может несколько снизить производительность труда и уровень агротехнической культуры, все же в сочетании с благотворными социальными изменениями суммарный эффект сохраняет знак "плюс".

Для города важны соотношение количества переселенцев, мало приспособленных к городской жизни, и "старых" горожан, уровень потребности в рабочих руках, текущее состояние собственных внутригородских социальных конфликтов и т.д. При различных значениях этих величин поток новых горожан может почти не нарушать течение городской жизни, приводить к временному росту напряженности или существенно деформировать социальную структуру города и его традиции. Именно с периодом интенсивной урбанизации связаны рассуждения Х. Ортеги-и-Гассета о массовом человеке [Ортега-и-Гассет, 2005]. По-видимому, интенсивная урбанизация, склонность недавних горожан к восстановлению в увеличенном масштабе общинных структур, непривычка к жизни среди чужих людей сыграли немалую роль в массовом распространении в Европе

1930-х гг. авторитарных, полуфашистских и откровенно фашистских режимов. Тем не менее, все же в большей части случаев, включая даже правления европейских деспотов и харизматиков 30–40-х гг. XX в., приток деревенской бедноты не привел там к существенному разрушению городской культуры. После тяжелой и продолжительной болезни старая городская культура в общих чертах восстановилась, а бывшие деревенские жители и их дети усвоили городские привычки и традиции.

Совсем иную картину мы видим во время сталинской урбанизации, вызванной коллективизацией сельского хозяйства, которая привела к изгнанию или бегству из села спасающихся от голода и преследований самых успешных и приспособленных к деревенской жизни крестьян, доселе и не помышлявших о переселении в город. Но именно эти люди превращаются в горожан, причем в самых обездоленных, ненавидящих городскую жизнь и вспоминающих с чувством ностальгии свое деревенское прошлое. В деревне же остаются те, кто менее всего преуспели в деревенских занятиях, и зачастую самые неуспешные выдвигаются на руководящие роли. Нередко они, вспоминая свою нелегкую батрацкую долю, в меру возможностей травят и изгоняют оставшихся успешных крестьян. Впрочем, процесс разрушения российской деревни многократно описан в литературе, как и плачевное нынешнее положение в селах и сельском хозяйстве, истоки которого были заложены на рубеже 1920-х и 1930-х гг.

Гораздо меньше писалось о том, какое влияние коллективизация оказала на город. А оно, на мой взгляд, сопоставимо с ее влиянием на деревню. Прежде всего надо отметить, что сам город был к 1930-м гг. существенно ослаблен. Несмотря на большой масштаб (по обычным общемировым меркам того времени), быстрая дореволюционная урбанизация (с 1869 по 1914 г. численность городского населения увеличилась втрое, а его доля в населении страны – почти вдвое [Миронов, 2002, стр. 315]) была, по-видимому, наименьшим из зол. Гораздо более значимое влияние оказали последующие события: массовая эмиграция, в наибольшей мере затронувшая самый богатый и образованный слой, высокая смертность (прежде всего от голода, тифа и цинги) городского населения во время Гражданской войны, продолжающиеся и нарастающие репрессии опять-таки, в основном, среди наиболее образованной части населения. К этому стоит добавить практику уплотнения при заселении квартир в центре города и советский коммунальный быт, отнявший у горожан существенную часть собственного городу *privacy*. Приведенный список болезней советского города далеко не полон, но и так ясно, что город 30-х гг. XX в. встретил голодных и озлобленных бывших "кулаков" далеко не в лучшей форме.

У бывших "кулаков" и их детей была главная задача – выжить, несмотря на пятно в биографии, плохое образование, отсутствие городской профессии, стартового капитала, в том числе какого-либо жилья. Выжить, не имея ничего, даже элементарных навыков городской жизни, среди равнодушного или недружелюбного окружения. И несмотря на тяжелейшие обстоятельства, они эту задачу решали, причем в большей части случаев весьма успешно. Главными их опорами стали, во-первых, трудолюбие и жизнестойкость, позволившие достичь успехов в своей первой, деревенской, жизни, и во-вторых, почти полная неразборчивость в средствах. Ее не стоит оправдывать и, тем более, идеализировать, но легко понять и простить. С одной стороны, эти выходцы из деревни совершенно несправедливо были лишены всего нажитого честным трудом в соответствии с действовавшими тогда законами; теперь им надо было каким-то образом зарабатывать на хлеб и кров, а также пытаться снова достичь хотя бы части былого благосостояния. С другой стороны, они не были связаны городскими условностями и приличиями, а негативное отношение к ним более благополучных горожан, отсутствие со стороны последних помощи и участия приводили бывших крестьян к полному презрению моральных ценностей города.

Отвлекаясь от основной темы, отмечу, что во время Великой Отечественной войны многие жители деревень и малых городов столь же недружелюбно встретили эвакуированных горожан, как десятилетием ранее горожане встретили бывших сельских жителей. Так что в каком-то смысле обе стороны квиты. Но я отнюдь не претендую на суд

над той или другой стороной, а пытаюсь понять, какое влияние оказало поведение выброшенных в города "кулаков" на городскую жизнь. Поэтому еще раз отмечу успешность выбранной "кулаками" стратегии. Убедительное свидетельство ее успешности – огромная доля выходцев из деревень, перебравшихся в города в начале 1930-х гг., среди партийной элиты. Разумеется, биографии советских партийных вождей подчищены и отлакированы, и крайне редко даже в постсоветские времена можно прочесть про какого-либо партийного лидера, что он был сыном "кулака" или "подкулачника". Пожалуй, наиболее отчетливо проглядывает кулацкое происхождение Г. Маленкова (см., например, [Николаевский, 1995]), относительно других большевистских вождей остается довольствоваться в качестве косвенных свидетельств близостью дат переезда в город, неясностью и невнятицей в описании их детства и молодости, а также манерами их поведения. Впрочем, самый вид и манера держать себя многих советских вождей "с головой" выдают их "кулацкое" происхождение.

Успех этой стратегии объясняется не только трудолюбием и цепкостью бывших "кулаков" или спорным превосходством нечестных стратегий над честными. Другая, не менее важная составляющая их успеха, была заложена в исходной установке советской власти: созданная интеллигентами, зачастую нерусского происхождения, советская власть (или, точнее, правящая партия) всегда старалась представить себя как партия городского пролетариата, всех бедняцко-пролетарских слоев и, наконец, всего "простого советского народа". Имитируя свою народность, правящие бюрократы сами изъяснялись на крайне примитивном языке (равно далеком как от грамотной речи интеллигенции, так и от образной народной речи, насыщенной диалектизмами и жаргонными словами), создавали преференции при вступлении в партию и занятии важных постов не для образованных специалистов, а для самых "народных" элементов.

Эта игра в народность для советской правящей элиты была не менее важной составляющей ее политики, чем осуществление главной догмы коммунистов – достижение военного и экономического превосходства над остальным миром. С рациональной точки зрения она обеспечивала высокую социальную мобильность, большие возможности для самых бедных, видимость справедливости (часто в форме бессудных массовых расправ над предыдущим слоем элиты) и чаемое ощущение своей народности, то есть всячески защищала власть от народного недовольства. С не менее важной иррациональной позиции она придавала веру в справедливость своего дела тем представителям элиты, которые имели не только корыстные, но и идейные устремления, и замедляла идеологическое разложение своего учения.

Стремление к выбору самых необразованных и неподготовленных к осуществлению властных функций порой принимало комические (если здесь можно использовать слово "комический") формы. Например, отбор социально близких (воров, бандитов, насильников и т.д.) среди заключенных и оказываемое им предпочтение перед ничем неповинными более образованными горожанами при строительстве Беломорканала и на других гугаговских стройках. Такой же отрицательный отбор производился при приеме в вузы – плюсом считались неинтеллигентные профессии и плохое образование родителей, сильно коррелированные с низкой общей культурой самого абитуриента. Имитация дружбы народов и равенства всех наций заставляла предьявлять самые низкие требования к представителям национальных окраин, порой закрывая глаза на их плохое знание русского языка и общее невежество.

Однако стремление к народности все же не могло действовать только как отрицательный отбор. Для успешного функционирования системы среди отобранных по "низости происхождения" так или иначе надо было выбирать кандидатов, наиболее подходящих для выполнения своих должностных обязанностей. И среди этих народных элементов бывшие кулаки и их дети часто оказывались более подходящими кандидатами, чем настоящие городские пролетарии, не снedaемые честолюбием, хотя бы в малой степени причастные к городской культуре и связанными с ней моральными ограничениями и, наконец, нередко пьющие. Как правило, в послевоенные годы у людей "низкого происхождения" отделы кадров и "органы" не вели длительных раскопок родословной и да-

же ранних этапов биографии, поэтому бывшие "кулаки" и особенно их дети выглядели почти безупречно по канонам советской кадровой политики. В сочетании с целеустремленностью, трудовыми и "моральными" качествами они оказывались наилучшими кандидатами на всевозможные посты. В итоге ни одна из поддерживаемых властью социальных и национальных групп не дала такого количества всевозможных начальников на всех ступенях властных иерархий, включая самую высшую ступень (членство в Политбюро).

Общий результат высокой представленности данной группы во властных структурах обсуждать достаточно трудно. Во-первых, идентичность социального происхождения, особенно происхождения отцов, далеко не всегда ведет к одинаковости и даже сходству политических взглядов. Во-вторых, в течение их политической жизни происходили огромные перемены, вызванные более глобальными причинами, в малой степени зависящими от них самих и тем более – от их социального происхождения.

Впрочем, конкретная реализация сценария падения советской власти во многом определилась личностью и взглядами М. Горбачева. Но его особая роль в этом процессе была вызвана, как мне представляется, не его деревенским происхождением, а наоборот, причастностью к поколению шестидесятников с их наивной верой в существование особой доброй и успешной реинкарнации советской власти, которую власти могли бы реализовать, но не делали этого по невежеству, косности или злой воле. Попытка ее реализации и запустила те процессы, которые, в конечном счете, привели к преждевременной смерти Советского Союза. Однако вряд ли стоит обвинять Горбачева в непонимании неизбежности провала политики демократизации государственного социализма: подобные иллюзии были чаще свойственны и более образованным людям. Скорее, именно сочетание успешного "кулацкого" пути к власти с шестидесятническими иллюзиями и породило феномен Горбачева, не предсказанный никем из аналитиков.

Успех "кулацких детей" в советской и партийной элитах сопровождался немалым успехом едва ли не во всех сферах деятельности. Образ начальника, говорящего с деревенскими интонациями на канцелярите, насыщенном диалектизмами, хорошо известен и из жизненного опыта, и из советских литературы, театра и кино. Он стал столь привычным штампом, что вовсе не нуждался в комментариях; несколько преувеличивая, можно сказать, что другие типы начальников вызывали уже некоторое удивление. Впрочем, начальники иного происхождения и жизненного опыта нередко пытались подражать становившимся господствующими речи и стилю поведения. Старый городской стиль и старые нормы городской жизни вытеснялись победившей деревней.

Возможно, именно победное шествие ностальгии по деревенскому образу жизни соединило старые дачи как места отдыха (характерные не только для дореволюционных времен, но и для начальства и культурной элиты 1930-х гг.) с огородами горожан, необходимыми в условиях военной и послевоенной бедности и карточного распределения. Новая дача с большим огородом, баней и небольшим цветником до сих пор остается престижной и почти необходимой частью быта городского жителя.

Несколько сгущая краски, можно сказать, что старая городская культура уехала в эмиграцию и там рассыпалась под напором местных культур, погибла в испытаниях Гражданской и Великой Отечественной войн, была уничтожена в тюрьмах и лагерях или тихо деградировала в склоках на коммунальных кухнях. Самыми устойчивыми ее элементами оказались полки непрочитанных книг (ныне исчезающие в квартирах с "евроремонтom") и антисемитизм (неплохо сохранившийся, но разбавленный кавказофобией).

Распад старой городской культуры, естественно, не означал исчезновения городской культуры вообще. На смену старой культуре приходит новая, во многом определяемая привычками и жизненными обстоятельствами выходцев и беглецов из деревень. Перечислю без комментариев ее наиболее характерные (на мой взгляд) черты: уже упоминавшаяся жизнь на два дома – городской и деревенский; резкое снижение общей культуры, особенно культуры общественного быта (образное описание см. [Невлер, 1988]); распад городских обществ по интересам и соседских общин, атомизация городского на-

селения; перенос основного круга общения с соседской общины на семью и трудовой коллектив (в постсоветское время близость людей в трудовых коллективах заметно ослабевает); рост потребления алкоголя (и пьяной преступности), а в последнее время – и наркотиков.

Приведенный список характеристик нового российского городского общества представляет собой весьма нетривиальную смесь черт городских сообществ развитых стран и стран третьего мира, традиционных российских обычаев и следствий конкретных обстоятельств. Предсказать направление трансформации российского города, исходя лишь из этого списка, весьма затруднительно. Наблюдения последних лет показывают, что главным направлением трансформации становится движение к западным стандартам, однако весьма неторопливое и не ведущее к преодолению разобщенности населения городов.

* * *

Одним из самых престижных, хотя и не самым доходным, в Советском Союзе было занятие наукой. К 1970–1980-м гг. для большинства горожан это занятие, понимаемое как легкий и интересный труд, позволяющий без особых усилий сделать почтенную карьеру, казалось весьма привлекательным. И будущее любимых детей в самых разных социальных группах часто мыслилось именно таким образом, независимо от их способностей и склонностей.

Однако в более ранние времена наука отнюдь не считалась столь престижным занятием. М. Ломоносов сетовал на то, что российский профессор имеет по Табели о рангах всего-навсего чин, соответствовавший чину армейского капитана, в то время как его западноевропейский коллега имел ранг полковника [Экштут, 2006]. Лишь к середине XIX в. профессора прибавили в чинах и достигли полковничьего ранга. Но важнее были даже не записи в Табели о рангах, хотя от них зависело жалованье, а настроения в обществе, рассматривающего науку то как занятие столь же почетное, как общественная и литературная деятельность (вспомним, к примеру Базарова, частенько резавшего лягушек, или статьи Д. Писарева), то как бегство от наболевших общественных проблем. В результате число людей в России, занимающихся наукой, и научные успехи росли, но не столь быстро, как принято думать. За открытиями Н. Лобачевского и Д. Менделеева последовали открытия П. Чебышева, И. Мечникова, И. Павлова и других русских ученых, но в целом российская наука количественно и качественно по-прежнему существенно уступала лидерам – Англии, Германии, США и Франции, и вряд ли превосходила "научные державы второго ранга" – Австро-Венгрию, Голландию и Швецию (см., например, [Кребер, 2004, с. 161, 199]). Лишь в последние 15–20 лет перед революцией 1917 г. начался ощутимый количественный рост российской науки и техники (более всего известны имена А. Маркова, А. Попова, Н. Федорова, Б. Голицына, И. Сикорского и других), обещавший возможности взлета в отдаленном будущем.

Русская смута 1917–1921 гг. нанесла тяжелый удар по российской науке. Стране, в которой шла Гражданская война и остановились основные системы жизнеобеспечения городов, стало не до науки. Многие крупнейшие ученые и инженеры эмигрировали, а среди оставшихся немалое количество пало жертвой голода, болезней, большевистского и бандитского террора. Самые видные российские гуманитарии в 1922 г. были высланы за границу, что спасло их от кровавых расправ сталинских лет.

В течение 1920-х гг. в научное сообщество России вливается множество людей "низкого происхождения", причем евреи, против которых перестали действовать антисемитские ограничения царского правительства, составляли основную массу новичков. В отличие от дальнейших споров на еврейские темы и антисемитских кампаний (и прошлых войн в Академии наук между учеными русского и немецкого происхождения) "начало еврейского засилья" в российской науке не вызывало серьезных конфликтов. Вероятно, причинами столь мирного изменения национального происхождения российских ученых была общая непрестижность и низкая оплата научной деятельности, а также предан-

ность науке обеих национальных групп (в золотые для выходцев из еврейских местечек 1920-е гг. перед ними открывались более денежные места нэпманов и более престижные места советских начальников). В эти годы были сделаны важные теоретические работы (более всего известны модель нестационарной Вселенной А. Фридмана и полубезумные проекты К. Циолковского), сыгравшие немалую роль в дальнейшем. Однако для воплощения научных достижений в практику не было ни инфраструктуры, ни средств, ни заинтересованности промышленности.

Начало взлета советской науки, равно как масштабного вмешательства государства в научную жизнь и массовых расправ над учеными, относится к 1929 г., "году великого перелома". В мою задачу не входит детальный пересказ исторических фактов, поэтому ограничусь замечанием, что финансовая и кадровая поддержка науки сопровождалась бессмысленными расправами над непричастными к каким-либо заговорам учеными и специалистами ("шахтинское дело", "дело Промпартии", массовые ленинградские аресты и высылки середины 1930-х гг., глобальная расправа 1937–1938 гг. и т.д.). Для дальнейших рассуждений весьма важно, что в каждом случае, когда расправа не охватывала научную группу целиком (а это происходило крайне редко), руководители должны были передавать или просто оставлять группу своим ученикам. И именно от качества учеников и зависела дальнейшая история российской науки.

Существует мнение, что любая корпорация, пополняющая свои ряды только с помощью кооптации новых членов, должна непременно деградировать из-за того, что многие ее члены будут выбирать в качестве преемников не самых способных учеников, а наиболее покорных и преданных (часто – просто подхалимов и льстецов), опасаясь нечестной конкуренции, приписывания себе былых заслуг учителей или даже расправы над ними (в самом разном понимании этого слова). Представляется, это далеко не общее правило. Оно не выполняется в тех случаях, когда, во-первых, старые и молодые члены корпорации придерживаются хотя бы минимальных моральных норм, и во-вторых, хотя бы некоторые результаты деятельности поддаются независимой проверке. Во всяком случае, как многие военные и религиозные организации, так и старинные университеты (например, Оксфорд и Кембридж), передающие членство в корпорациях именно с помощью кооптации, сумели избежать деградации в течение столетий.

Для советских научных школ и организаций выполнение обоих условий весьма проблематично. За исключением достижений в области вооружений (например, создания ядерного оружия) власти, как правило, в короткие сроки не могли толком проверить реальность научных успехов, а секретность и ограниченность контактов с западной наукой затрудняли или вовсе исключали независимую экспертизу. Поэтому именно моральные качества учеников играли решающую роль.

Обсуждая этот вопрос, важно отметить, что к 1930-м гг. среди учеников преобладали выпускники рабфаков, часто очень талантливые, но не блиставшие общей культурой и равнодушные к исторически выработанным кодексам чести (их собственные правила часто колебались в диапазоне от большевистской морали "если скажут убить, убей" до откровенного карьеризма). Результаты были самыми различными¹. Наиболее печальный опыт, как известно, имел место в генетике и биологических науках в целом. Сам Н. Вавилов приблизил к себе своего могилыщика, способного, но малограмотного и непорядочного агронома Т. Лысенко, отправившего в тюрьмы и лагеря своего учителя и его коллег и фактически уничтожившего науку, которой он занимался.

Согласно данным А. Любичева, отдавшего немало сил борьбе с лысенковщиной, деятельность Лысенко привела к тому, что урожайность зерновых в СССР в 1950-е гг. была на 25% ниже, чем могла бы быть при следовании общемировым тенденциям в агротехнике [Любичев, 1991, с. 111]. Однако это все же крайний случай, причем не исклю-

¹ Здесь и далее я рассматриваю только естественные и точные науки, ибо судьбы гуманитарных наук были в слишком сильной зависимости от колебаний линии партии, а реальные успехи, известные миру, слишком сильно зависели от способностей и решимости ученых обмануть или обойти цензуру.

чено, что немалую роль здесь сыграло увлечение ранних генетиков евгеникой и связанными с ней весьма сомнительными моральными представлениями. Эта история не столь проста, и, как ни странно, в вопросах запретов сомнительных экспериментов над людьми советские догматики занимали самые демократические позиции в отличие от многих генетиков. Мне не кажется случайным длительное проживание бежавшего из СССР замечательного генетика Н. Тимофеева-Ресовского именно в фашистской Германии, а не в Англии или США.

В большей части случаев, особенно в физических дисциплинах, передача или даже две передачи научной школы от учителя к ученику прошли без деградации (и нередко даже способствовали росту успехов научного направления). Время расцвета этих научных школ выпало на сталинские и хрущевские годы, несмотря на все репрессии до- и послевоенного времени. Но период расцвета оказался недолгим: в течение короткого периода с середины 1960-х до середины 1970-х гг. происходит где резкая, где постепенная деградация научных школ, особенно в прикладных дисциплинах. Эту деградацию замечали многие специалисты и давали ей разнообразные объяснения – от разрыва связей между академической и вузовской наукой (ограничения работы по совместительству в хрущевские времена) до снижения плановой дисциплины. Как мне представляется, в наибольшей мере, если исключить общеполитические причины, здесь сказались моральные факторы. Рабфаковские наследники ученых старой школы, часто будучи талантливыми специалистами, оказывались морально незрелыми и нередко даже недостойными людьми. Их душевные качества не находились на той высоте, которая позволяет оставить дело лучшему, хотя и строптивому, ученику; их сердцам (равно как парторгам, от которых выбор преемников зависел в не меньшей мере) были ближе лстецы и подхалимы. И если первое поколение лстецов еще обладало неплохими способностями и специальными знаниями, то второе, отобранное уже самими бывшими лстецами, зачастую не представляло собой ничего ценного. Нетрудно догадаться, что среди первого и второго поколений лстецов немалую часть составляли бывшие "кулаки" и их дети с свойственной им неразборчивостью в средствах.

Для оценки справедливости высказанных утверждений очень важно было бы иметь реальные статистические данные о социальном происхождении администраторов научных учреждений (заведующих лабораториями, начальников отделов, заместителей директоров), профессоров и докторов наук разных лет. К сожалению, в моем распоряжении нет такой статистики, поэтому высказанная версия остается гипотезой. В качестве дополнительных аргументов в ее пользу можно указать на скорость научной деградации в сочетании с падением общей культуры научных сотрудников (от литературы и философии к дачам-огородам и рыбалке), на быстрое распространение нечестных приемов ведения научных работ (фальсификация данных, плагиат, спекулятивные рассуждения, апелляция к государственным и партийным документам как аргументация) и т.д.

Разумеется, упадок начала 1970-х гг., хотя и затронул очень многие области, но не охватил всей советской науки. В наименьшей мере он коснулся теоретической физики и математики, чей черед настал уже в перестроечные и постперестроечные годы. И здесь важнейшую роль сыграли не советские эксперименты по перемещению города в эмиграцию и лагеря, деревни – в город, а старинный российский антисемитизм и равнодушие к судьбам наукам со стороны ельцинских реформаторов. Например, хорошо известно, что среди ведущих советских математиков русского происхождения весьма значительную часть составляли идейные антисемиты (И. Шафаревич, Л. Понтрягин, И. Виноградов) и их единомышленники (не буду перечислять фамилий, так как относительно некоторых из них мнения расходятся).

Результаты активной деятельности антисемитов по вытеснению евреев из своих областей науки сильно разошлись с их исходными замыслами. По-видимому, они не сумели существенно повлиять на количество и процент евреев среди научных кадров низшего и среднего звена, но смогли заметно ухудшить их качественный состав. Талантливые, но непробивные люди были завалены уже на вступительных экзаменах в ведущие вузы (или вовсе не решились туда поступать), отсеяны при приеме в аспирантуру и сильные

специализированные институты. Зато пробивные евреи, хотя и почувствовали на своей шкуре антисемитские гонения, но сумели их преодолеть за счет блата или взяток. Антисемитские кампании дали им моральное право на обходные и нечестные пути к карьере в мнениях порядочных людей, которое они никогда бы не получили, если бы не было этих преград.

Впрочем, у честных людей реального выбора одобрять или не одобрять сомнительные методы угнетаемого меньшинства не было: другой выбор фактически означал бы солидарность с расистами (в данном случае – антисемитами) и расовыми чистками, невозможную для порядочного человека. В годы перестройки, когда железный занавес пал, большая часть наиболее талантливых ученых еврейского происхождения уехали из России, а в последующие за перестройкой годы нищеты российской науки вслед за евреями потянулись и их бывшие гонители. По разным оценкам, Россия потеряла от 30–40% до 60–70% наиболее успешных теоретиков.

Сопоставляя судьбу евреев в годы советского государственного антисемитизма с судьбой изгнанных или бежавших кулаков в 1930-е гг., следует отметить глубокую разницу. С одной стороны, "кулаки" не получили и малой доли той солидарности в интеллигентном сообществе, которая досталась на долю дискриминируемых евреев; городское общество, само испытывавшее "прелести" сталинского режима, равнодушно прошло мимо беглецов из деревень. С другой стороны, "кулаки", сумевшие пристроиться в городском сообществе, внешне легко растворились в нем и были признаны своими, в конечном счете, они даже перестроили его на свой лад. Им не пришлось испытывать на себе бытовой антисемитизм, легко перешедший в тотальный геноцид, случившийся, когда было получено разрешение от властей (имеются в виду, конечно, не советские власти, а гитлеровские власти на оккупированных во время войны территориях). Поэтому в 1990-е гг., когда наиболее способные и наиболее непорядочные из обеих групп разделили приватизированное имущество, еврейские "олигархи" были названы врагами народа во всех изданиях, включая самые либеральные, а "кулацкие олигархи" вовсе не были замечены. Но это тема иного времени и иной истории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Коллинз Р.* Предсказание в макросоциологии: случай Советского коллапса // Альманах "Время мира". Вып. 1. Новосибирск, 2000.
- Кребер А.Л.* Избранное. Природа культуры. М., 2004.
- Любимцев А.А.* В защиту науки. Статьи и письма. Л., 1991.
- Миронов Б.С.* Социальная история России. Т. 1. СПб., 2002.
- Невлер Л.* Правила для исключений // Знание – сила. 1988. № 9.
- Николаевский Б.И.* Тайные страницы истории. М., 1995.
- Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. М., 2005.
- Цирель С.В.* Рыночная экономика и типы потребления // Экономический вестник Ростовского университета. 2004. № 1.
- Экштут С.* "Профессор! Ты убог" // Родина. 2006. № 1.